

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

◀ НЕПОЗНАННОЕ ▶

СТЕПНОЙ УЖАС

Бушков. Непознанное

Александр Бушков

Степной ужас

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушков А. А.

Степной ужас / А. А. Бушков — «Эксмо», 2022 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-164174-0

Новые тайны и загадки, изложенные великолепным рассказчиком Александром Бушковым. Это случилось теплым сентябрьским вечером 1942 года. Сотрудник особого отдела с двумя командирами отправился проверить степной район южнее Сталинграда – не окопались ли там немецкие парашютисты, диверсанты и другие вражеские группы. Командиры долго ехали по бескрайним просторам, как вдруг загорелся мотор у «козла». Пока суетились, пока тушили – напрочь сторел стартер. Пришлось заночевать в степи. В звездном небе стояла полная луна. И тишина. Как вдруг... послышались странные звуки, словно совсем близко волокли что-то невероятно тяжелое. А потом послышалось шипение – так мощно шипят разве что паровозы. Но самое ужасное – все вдруг оцепенели, и особист почувствовал, что парализован, а сердце заполняет дикий нечеловеческий ужас... Автор книги, когда еще был ребенком, часто слушал рассказы отца, Александра Бушкова-старшего, участника Великой Отечественной войны. Фантазия уносила мальчика в странные, неизведанные миры, наполненные чудесами, колдунами и всякой чертовщиной. Многие рассказы отца, который принимал участие в освобождении нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков, не только восхитили и удивили автора, но и легли потом в основу его книг из серии «Непознанное». Необыкновенная точность в деталях, ни грамма фальши или некомпетентности позволяют полностью погрузиться в другие эпохи, в другие страны с абсолютной уверенностью в том, что **ИМЕННО ТАК ОНО ВСЕ И БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164174-0

© Бушков А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Зачарованный самолет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Бушков

Степной ужас

© Бушков А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Реальность – тонкий лед, и большинство людей просто скользят по нему, как на коньках, всю свою жизнь и не знают, что он может треснуть у них под ногами.

Стивен Кинг. Чужак

Зачарованный самолет

Было это осенью пятьдесят второго в Корее. Я тогда служил... в общем, в мои служебные обязанности входил и допрос пленных. Исключительно англоязычных: американцы туда под флагом ООН натащили, кроме своих, войска еще пятнадцати стран. Кроме англичан, канадцев, австралийцев и новозеландцев, которые тоже моему попечению были поручены, были еще турки, греки, французы. Одним словом, всякой твари по паре, замучишься перечислять. Наличествовала и вовсе уж экзотическая солдатня – из Эфиопии и Люксембурга. Что они забыли в Корее (особенно Люксембург), решительно непонятно. Но вот поди ж ты, заявились... Ну, и южнокорейцы, понятно.

Каких-либо серьезных военных тайн мы в результате допросов пленных не получили, да и не рассчитывали их получить. Кроме одной, ради которой и рыли землю на три аршина вглубь: не доставили ли американцы в Корею атомные бомбы. Одно время они всерьез обсуждали, не применить ли их – причем не в Корее, а в Китае, за китайскую помощь корейцам. Причем это обсуждение велось вовсе не за семью замками, в каком-нибудь засекреченном бункере: «ястребы» открыто этого требовали и в публичных выступлениях, и в газетах. Вот мы и старались. У нас прекрасно знали, какие меры предосторожности и безопасности американцы принимают при транспортировке атомных бомб. И составили специальный вопросник: весьма длинный, каждый вопрос по отдельности выглядит совершенно невинно, человек и не догадывается, куда клонит допрашивающий. А вот все вместе они позволяют безошибочно сделать вывод: доставлены бомбы или нет.

Впрочем, я отвлекся. Случай, про который я хочу рассказать, никоим боком с атомной бомбой не связан...

Работа предстояла привычная и даже чуточку прискучившая: допросить очередного сбитого летчика. Его истребитель наши свалили над занятой нашими территорией, приняли его китайцы и передали «старшему брату», то есть нам. В те времена китайцы нас всерьез считали именно что старшим братом...

Капитан этот меня всерьез заинтересовал. Нет, не своими показаниями, они-то как раз не содержали ничего интересного, ничего, что нам не было уже известно. Своим поведением заинтересовал. Понимаете ли, сбитые американские летуны, вообще все их пленные четко делились на две категории. Одни с самого начала говорили много и охотно, иные даже с явным подострастием – лишь бы их не отправили в заснеженную Сибирь на съедение тамошним медведям-людоедам, а то и не расстреляли бы на месте, известно ведь, что «большевики» пленных жарят на постном масле и едят под водку и гармошку. Другие гордо становились в позу, заявляли, что воинские уставы им предписывают при попадании в плен сообщить свою фамилию, звание и номер части – и ничего больше.

(Вообще-то и таких гордецов мы сплошь и рядом обламывали, и петь они начинали не хуже Шалапина. Не физическими методами, не подумайте – словесно тоже можно добиться хорошего результата, выиграть чисто психологическими методами. Ладно, не будем отвлекаться, хотя тема сама по себе страшно интересная, но разговор не о том...)

Так вот, капитан ни под одну из этих категорий не подходил. Вообще-то говорить много он начал с самого начала, вот только никак не скажешь, что – охотно. Это был какой-то ступок депрессии, самой глубокой апатии. Конечно, и те, из вышеназванных двух категорий, в депрессию порой впадали – и оттого, что их, таких храбрых американских соколов, бесцеремонно приземлили «красные», и оттого, что полагали, будто с ними теперь все кончено и смертушка их ждет скорая и лютая.

Вот только у всех предшественников капитана это всегда выражалось в гораздо более легкой форме. В точности как с гриппом или какой-нибудь другой болезнью. А вот капитан был...

я и сейчас, через тридцать с лишним лет, не подберу наиболее подходящего слова. Прямо-таки олицетворение глубочайшей депрессии, какая только может на человека свалиться. Я и сейчас, когда говорю о нем, вижу его перед собой, как наяву: ссутулился, не пошевелится лишний раз, сидит как статуя, руки на коленях, взгляд тусклый, голос глухой, безжизненный, без тени эмоций и чувств, когда говорит, полное впечатление, что живут только губы, а кроме них, ни один мускул на лице не дрогнет. Предложишь ему сигарету – возьмет (курильщик был заядлый, в точности как я), но курит, словно какой-то механический автомат в облике человека – ни одного лишнего движения, подносит ли сигарету к губам, пепел ли стряхивает. На все вопросы отвечает без заминки, исчерпывающе – но опять-таки как автомат, ни словечка от себя, ни тени эмоций. Первый и, забегаая вперед, последний у меня такой попался. Честное слово, порой не по себе бывало чуточку – я бы никому в том не признался, но жутковатое впечатление он производил. Словно бы и не живой человек, а какое-то создание не от мира сего. Это у меня была уже третья война после Отечественной и японской кампании, всякое повидал, но такого вот... Видел я и кишки попавших под артобстрел, видел людей, по которым проехал танк, да много чего. Но там было совсем другое, если вы только понимаете, что я имею в виду. Ни разрывов, ни изуродованных трупов, ничего такого из разряда военных ужасов. Просто... Знакомый кабинет, покойная тишина, белый день за окном – а напротив тебя сидит этот автомат в человеческом облике, говорящий на один лад, глухо и монотонно... Жутковато делается.

Поначалу я полагал, что это у него из-за травмы. Когда наш МиГ-15 его сбил, у капитанского «Сейбра» снарядом разнесло фонарь кабины, мелкими осколочками изрядно посекло капитану лицо – но это, по большому счету, были мелкие царапины, быстро затянувшиеся. А вот один осколок угодил в правый глаз, да так, что его пришлось в нашем госпитале удалить – под наркозом, понятно.

Поначалу объяснение подворачивалось очень простое: очень уж он любил небо, любил летать. И прекрасно понимал: даже благополучно вернись он из плена домой, «на землю» спишут вчистую – одноглазых в авиации не держат. Это без ног, на протезах, летчики-истребители, проявив нешуточное упорство, оставались в строю. Правда, за всю Вторую мировую было только два случая: наш Маресьев и британский пилот, фамилии не помню. Всего два случая, но ведь допустили их безногими к полетам. А вот одноглазого не допустят ни за что.

Вскоре, после разговора с медиками, от этой версии пришлось отказаться. Врачи авторитетно заверяли: с первых часов в госпитале, едва туда привезли, он уже был в том самом «состоянии робота», в каком появился передо мной. А тогда он никак не мог еще знать, что лишился глаза: китайцы его перевязали на совесть, все лицо выглядело так, словно его бешеные кошки драли, замотали бинтами так, что остались только здоровый глаз, рот и ноздри. И когда он, отойдя от наркоза, узнал, что остался без глаза, никаких изменений в его состоянии не произошло, отнесся совершенно безучастно, словно не глаза, а, скажем, зуба лишился.

Наш психолог добавил к этому: он совершенно уверен, что наш летун психически здоров, иначе бы врачи его не выпустили в полет – у американцев врачи хорошие. Ни одна психическая болезнь, пусть до того долго дремавшая и никак себя не проявлявшая, не сваливается на человека неожиданно, как кирпич с крыши. Еще он ручается: то, что капитана сбили, «детонатором» послужить никак не могло. Речь, таким образом, может идти только о психологическом шоке, правда, очень сильном. И вывести человека из этого состояния можно, даже не будучи медиком – а просто знатоком своего дела. Вот вроде меня.

И вы знаете, эти его слова на меня подействовали, как красная тряпка на быка. Или, выражаясь более возвышенно, поэтически, что ли, – словно рев боевой трубы на опытного кавалерийского коня...

Тут и профессиональное самолюбие заработало, и что-то вроде охотничьего азарта. Не хочу себя сверх меры нахваливать, но что было, то было: мне не раз случалось раскалывать упрямых, матерых вражин еще в Отечественную. Не подумайте, без малейшего физического

воздействия. В нашем деле мордобой – брак в работе. Исключительно словом и напряжением мозгов. Сначала «хранили гордое презренье», молчали или откровенно с ненавистью оскорбления выплевывали, но в конце концов начинали петь соловушками.

Вот я и подумал: неужели не смогу проломить эту невидимую броню, что он на себя нацепил, эту лютую меланхолию?

Собственно говоря, нас он больше не интересовал, можно было со спокойной совестью и чувством исполненного долга отправлять в лагерь военнопленных. Никаких особых секретов он не знал – кто бы в них посвящал рядового пилота истребителя? А все, насчет чего я его качал на косвенных, было еще одним подтверждением того факта, что пока что нет никаких признаков доставки сюда в ближайшее время американского атомного оружия. Но никто бы мне ни слова упрека не сказал, доложи я, что намерен с ним еще поработать какое-то время – такие вопросы целиком отдавались на мое усмотрение. И своими прямыми обязанностями я, что важно, нисколько не пренебрегал: такова уж была специфика службы. В мои служебные обязанности входил исключительно допрос пленных – ну, понятно, иногда приходилось составлять для начальства аналитические записки и разные обзоры. А тут уж шло по принципу «Когда густо, а когда пусто». Я специализировался на офицерах противника, а остальными занимались ребята помоложе, у которых звездочек на погонах было гораздо меньше. Вот и выпадало так, что иногда целые дни, а то и недели мне было совершенно нечем заняться – и сейчас как раз оказался в таком вот простое. Так что никаких нареканий от начальства ждать не приходилось, и совесть нисколько не мучила: если рассудить, я не использовал служебное положение в личных целях, а в который раз оттачивал умение. В нашем деле главное – не закостенеть, полезно до седых волос чему-то учиться...

Словом, взялся я за моего одноглазого капитана всерьез, пустил в ход все, что умел, – без лишней спешки и ненужного нажима, понятно. Скорее уж наши долгие беседы больше напоминали «разговоры за жизнь», вертелись вокруг предметов и тем, вовсе не имевших отношения ни к войне, ни к политике. Капитан был ничуть не против долгих бесед на отвлеченные темы: в каком бы состоянии он ни пребывал, видно было, что ему предпочтительнее часами точить лясы-балясы и попивать хороший крепкий чай, чем валяться на койке в камере в компании пары-тройки таких же невезучих.

И лед тронулся, господа присяжные заседатели! Помаленьку-полегоньку мне удалось справиться с его броней. Образно выражаясь, сначала я наделал в ней дырочек, а потом она стала отваливаться кусками, дальше – больше. Ну, и наш психолог параллельно с ним работал (я его ни во что не посвящал, и он считал, что такую уж я выбрал тактику, хочу из капитана еще что-то выудить – подобное случалось не раз).

Через неделю я убедился, что все труды не пропали даром. Внучка у меня любит повторять реплику кота Матроскина из известного мультфильма: «Заработало!» Тридцать лет назад, понятно, этого мультфильма, как говорится, и в проекте не было, но сейчас я именно так и скажу: заработало! С этой чертовой броней мне, конечно, не удалось справиться на все сто, но ожил мой капитан, даже чуточку повеселел, заговорил гораздо охотнее и раскованнее, в нем теперь было гораздо больше от человека, чем от бесстрастного робота...

Я уже подготовил несколько вариантов перехода от пустых разговоров к делу. Однако получилось так, что ни один не понадобился, капитан сам облегчил мне задачу. Сказал:

– Мистер подполковник, сэр, можно задать вопрос?

– Конечно, – ответил я.

– Почему вы так странно со мной возитесь уже неделю? Говорим о чем угодно, только не о военных делах, не о том, что может интересовать разведку. Я не дурак, я вижу. Вообще-то мне это только нравится, готов и дальше продолжать. Лучше сидеть у вас с разговорами, чем валяться на койке в камере. И такого чая, и таких конфет с печеньем в камере не дают. Так в плену сидеть можно. Вот только мне чертовски любопытно, почему вы целую неделю

говорите о всяком постороннем. И распропагандировать нисколько не пытаетесь. А дома нам говорили: если попадем в плен, русские нас засыпят красной пропагандой, так чтобы мы были готовы... А вы и не пробуете...

Любопытство – это хорошо, подумал я. Это значит, помаленьку возвращаются к моему роботу человеческие чувства и эмоции. И сказал откровенно:

– Вы только не обижайтесь, капитан: нет никакой выгоды вас пропагандировать. Вы, согласитесь, рядовой пилот из превеликого множества таких. И что важнее, отец у вас простой фермер, небогатый. Вот если бы вы были сыном сенатора или миллионера, вас непременно постарались бы распропагандировать. Представьте себе во-от такие заголовки в газетах (я показал растопыренными пальцами): «Сын миллионера Смита осудил капиталистический строй и своего отца, эксплуатирующего американских пролетариев!!!» Совсем другое дело, верно? Ради такого стоит постараться...

И улыбнулся широко, доверительно. Опыт показывает, что такой тон и такая улыбка действуют на человека сильнее, чем крики и гроханье кулаком по столу. И точно, на его лице появилась ответная улыбка – первая улыбка за все время нашего знакомства. И я решил взять быка за рога:

– Причина одна: то же любопытство, что и у вас. Только по другому поводу. Мне стало чисто по-человечески любопытно: почему вы буквально с момента вашего... приземления впали в такое состояние? Стали сухой куклой? Тогда вы еще не могли знать, что лишились глаза. И плен сам по себе на вас ни за что не подействовал бы настолько ошеломляюще. Воевали во Вторую мировую, с момента вашей высадки в Нормандии, не новичок. Любой военный допускает, пусть подсознательно, что может попасть в плен, вы сами говорили, что ваше начальство вас о такой возможности предупреждало, инструктировало, как держаться в плену... Так почему? Вы сами можете сформулировать четко?

– Пожалуй что... – ответил он так, словно раздумывал. Уперся взглядом в пол, потом рывком поднял голову. – Вы не поверите, сэр...

– Постараюсь поверить, – заверил я.

– Ну ладно... Только я не вру нисколько, все так и было.

– Что?

– Это проклятое колдовство, – сказал он с видом человека, очертя голову прыгающего в ледяную воду. – Это ведь не ваш пилот меня сбил, то есть сбил, конечно, он, но еще неизвестно, как повернулось бы дело, начнись все как обычно. Вы ведь знаете – у меня четырнадцать сбитых: двенадцать в Европе и, что уж там, два здесь. Так что было бы еще неизвестно, кто кого. Все это чертово старикашкино колдовство. Никогда не верил ни в бога, ни во все эти штуки наподобие колдовства, о которых от негров слышал еще мальчишкой. А оказалось вдруг, оно есть...

Я, конечно, удивился, хотя этого не показал. Но нельзя сказать, чтобы был так уж ошеломлен. Я просто-напросто тоже не верил ни в бога, ни в черта, ни во «все эти штуки», а это, думается, совсем другое... И я спросил:

– Можете рассказать подробно?

– Вы не поверите, – повторил он.

А я повторил:

– Постараюсь поверить.

Слово за слово, и он рассказал. Передаю всё так, как помню.

– Я в Нормандии в свое время слышал французскую поговорку: «В любом деле ищите женщину». Не знаю, для всего ли это верно, только в моем случае началось как раз с женщины. С девушки...

Я помню из наших прошлых разговоров: вы хорошо знаете заочно тот город, возле которого наш аэродром. Большой город, портовый. И европейский квартал там большой, не то что

квартал, а целый район. В войну он изрядно обезлюдел: японцы загнали в концлагеря граждан всех стран, с которыми воевали, а таких было много. Ну а потом, когда мы заняли Южную Корею, уцелевшие стали понемногу возвращаться. И особенный приток новых жителей наступил, когда началась война. Хлынул целый поток разнообразных грузов, не только военных, в Японии ремонтировали нашу технику, вообще Япония стала перевалочной базой, на чем и быстренько поднялась из нищеты. Понятно, слетелась туча разных дельцов, делавших бизнес на этом потоке. Не только пришлые дельцы из множества стран, но и вполне себе европеизированные корейцы, хоть их было не так уж много. Некоторые давно перебрались в Штаты, подальше от японцев, а вот теперь вернулись на родину.

Так что я ничуть не удивился, когда увидел в магазине, в европейском квартале, интересную девушку. По внешности корейка, но одета по последней американской моде и разговаривала с продавщицей в точности как американка, знающая язык с раннего детства, без малейших неправильностей, употребляла сугубо американские словечки, с выговором уроженки западного побережья.

Красавица редкостная. Я человек холостой, с девушками никогда не был робким, хватало опыта. Так что, недолго думая, вышел, выражаясь вульгарным армейским языком, на станцию ближнего боя. Ну конечно, держался отнюдь не нахально, со всей галантностью: судя по одежде, девушка была, как говорится, из общества, не горничная какая-нибудь, а такая, у которой у самой есть свои горничные.

И вы знаете, мы быстро разговорились, а там и познакомились. Очень приманчиво она держалась: и не кокетничала вовсе, как это с ветренными девицами бывает, и недотрогу из себя не строила, не обдавала холодом. Как-то с ней было просто и легко, если вы понимаете, что я имею в виду.

В конце концов она согласилась пойти со мной в кафе, очень приличное, едва ли не лучшее в европейском квартале. И когда я пригласил ее на свидание, согласилась, опять-таки и без жеманства, и без отторжения. Так оно все и началось, мы стали встречаться, а через месяц я снял в том же квартале квартиру, небольшую, но уютную. И начались отношения – именно что отношения, а не обычный незатейливый романчик, каких у военного бывает предостаточно. Оба мы чувствовали, что тут всё побольше и посложнее...

Я правильно догадался с самого начала: она и в самом деле была с западного побережья, из Сан-Франциско. Фриско, как у нас обычно сокращают. И корейского, если разобраться, в ней были только внешность и фамилия – Пак. А звали ее Мэри, так и во всех документах значилось. Корейский знала плохо. Такая стопроцентно американская девушка: родилась в Сан-Франциско, училась в тамошней католической школе, воспитывалась, как американка. Знаете, среди корейцев немало католиков, вот и ее отец с матерью были католики, еще до того, как перебрались в Штаты. Мне ее католичество нисколько не мешало, сам я, пожалуй что, неверующий, да и родители тоже. Ну, ходили в баптистскую церковь и меня с собой брали – но это делали, как бы сказать, приличия ради. Нельзя же совсем не ходить в церковь, у нас в штате Арканзас на таких всегда смотрели косо, особенно в наших местах, в изрядной, что уж там, глуши...

Довольно скоро я немало узнал о семействе Мэри – она охотно рассказывала. Японцы захватили Корею в девятьсот десятом году. И еще примерно за полгода до этого отец и дядя Мэри сообразили, к чему идет, – и ничего хорошего для себя не ждали. Отцу к тому времени было под тридцать, а дядя был десятью годами его старше. Оба вели торговлю на широкую ногу – корейцы, как и китайцы, гораздо больше склонны к торговле, чем другие азиатские народы. У обоих были тесные связи с нашими торговцами, особенно в Сан-Франциско – вот туда оба брата с женами и перебрались, без особых хлопот получили вид на жительство: в те времена это было гораздо проще, чем в последующие годы, особенно если речь шла о людях небедных. С видом на жительство в Америке можно жить десятилетиями, так что оба брата

об американском гражданстве никогда не хлопотали. Ну а Мэри его получила автоматически. Есть у нас такой закон, по-латыни называется «лекс локис». Понятия не имею, что это по-латыни означает, но суть простая: каждый ребенок, родившийся в Штатах, американским гражданином становится именно что автоматически.

Все свои дела в Корее братья ликвидировали, так что вовремя перевели в Штаты очень приличные деньги. И занялись той же торговлей, держали магазины не только в Сан-Франциско и штате Калифорния, но и в двух соседних штатах. В миллионеры не выбились, даже первого миллиона не сколотили, но дела шли весьма неплохо. Потом их, такое впечатление, стала мучить тоска по родине, и в сорок шестом, примерно через полгода после капитуляции Японии, оба в Корею вернулись. (Я, циник этакий, подозреваю, что дело тут не в одной ностальгии. Очень уж хорошие перспективы открывались для делового человека в послевоенной неразберихе. Много японского имущества перешло в новые руки, оккупационные власти поприжали корейских бизнесменов, сотрудничавших с японцами, открывался широкий простор для корейцев «благонамеренных». Не одни братья оказались такими оборотистыми, немало их земляков, сообразив, что к чему, вернулись из Штатов и других стран, но братья оказались среди первых. Что им здорово помогло, они и здесь торговали на широкую ногу, вдобавок в Штатах продали только половину своих тамошних магазинов, оставили себе самые процветающие.)

Судя по всему, братья о покинутой Америке нисколько не жалели. А вот Мэри – совсем другое дело. В сорок шестом ей было шестнадцать, почти стопроцентно американская девушка. Конечно, после Штатов Корея ей не глянулась. Но в шестнадцать лет надо подчиняться родителям – да и потом она от них всецело зависела, как и до сих пор. Работать ей не было необходимости, вот и была, как говорится, девушкой из общества – у здешней корейской верхушки быстро сложилось то, что называется высшим обществом и светской жизнью. Но, конечно, по американским меркам это было лишь убогое подражание тому и другому.

Так она и жила – в полном достатке и с тоской по Америке. Года два назад попыталась отсюда вырваться: сказала родителям, что хочет изучать медицину в одном из американских университетов. Вот только отец сразу заявил: у них достаточно денег, чтобы Мэри никогда и ничему не училась, не гнула спину и не портила глаза над учебниками (вообще-то в такой жизненной позиции нет ничего специфически корейского, восточного). А может, он еще просто-напросто догадывался, что она таким образом хочет вернуться в Штаты, ни малейшей тяги к медицине не испытывая. Сказал еще: для девушки ее положения лучший способ найти свое место в жизни – выгодное замужество (опять-таки ничего специфически корейского, как и в заверении, что они с братом постараются ей подыскать подходящего жениха).

Ну вот... Может, это крепко сказано, но через месяца полтора наших предельно серьезных отношений я понял, что жить без нее не могу. И не в одной постели дело: обнаружилось, мы на очень многое смотрим одинаково, а характер у нее, право слово, золотой. Другой жены и желать нельзя. А потому сама собой родилась незатейливая идея: жениться на ней самым законным образом и увезти в Штаты, когда война кончится – должна же она когда-нибудь кончиться?

Очень может быть, в глазах ее родителей я и не смотрелся подходящим женихом – с их-то капиталами. Но комфортную жизнь, пусть и без особой роскоши, я мог обеспечить. Кое-что имеется за душой. Половину того, что мне платили в армии, я давненько уже откладывал – отец в меня форменным образом вбил бережливость, за что я ему только благодарен. А главное, три года назад мне досталась по наследству бабкина ферма в нашем же округе. Нельзя сказать, чтобы очень уж богатая, но и не совсем захудалая. Доход с нее был не такой уж большой, но регулярный. Так что в банке у меня уже лежит без малого двадцать пять тысяч долларов. Вполне достаточно, чтобы купить приличный домик в Литл-Роке – это столица Арканзаса – и жить, не трясясь над каждым центом.

К тому же я твердо решил после войны уйти из армии. Понимаете, давненько уже мне военная авиация поднадоела. Во Вторую мировую все было просто: мобилизовали меня, юнца зеленого, выучили на истребителя и послали в сорок четвертом в Нормандию. Там все было ясно: или мы Гитлера задавим, или он нас. А потом... Не демобилизовали, послали переучиваться на реактивные, вот как-то так и остался. Прижился, можно сказать. А теперь... Не пойму, какого черта мы с вами хлещемся в этом захолустье. Я политикой не интересуюсь, по большому счету, мне наплевать, чья будет Корея, наша или ваша. Жил без Кореи и дальше проживу. Мне бы жениться, свой дом завести, детей.

Ко всему прочему, появилась возможность через одного бывшего однополчанина неплохо устроиться на гражданке. Переучиться не на простого гражданского летчика, берите выше – на пилота трансатлантических линий. С перспективой подняться до первого пилота. А там платят даже больше, чем в армии. Так что обеспечить жену должным образом смог бы. Я пока что с Мэри об этих планах ни словечком не обмолвился. Хотел потихонечку-полегонечку навести ее на эту мысль, а уж потом всё и выложить.

Только получилось все совершенно иначе. Через два дня мне позвонила Мэри и сказала, что нам нужно срочно встретиться. Вроде бы ничего необычного, иногда она мне звонила, а иногда я ей. Вот только на этот раз голос ее звучал как-то странно: явно взволнованный, даже панические нотки слышались, порой казалось, что она вот-вот заплачет. И никогда раньше она не говорила «срочно». Когда я спросил, не случилось ли чего, она не ответила, еще раз попросила приехать срочно, если есть такая возможность. Возможность была, я пообещал, что приеду. И поехал.

По дороге мне пришло в голову: а если вдруг обнаружилось, что она беременна? Как ни береглись, а все же не убереглись однажды. Мысль такая меня ничуть не удручила, а даже наоборот, обрадовала – это только облегчало бы дело, повлияло бы на родителей. Или для беременности слишком рано? Плохо я разбирался в этих делах. Так ничего и не решил для себя толком.

Она была на себя не похожа – осунувшаяся, бледная, встревоженная, с большим трудом сдерживала слезы. И сразу же все выложила... Сегодня утром отец ей сказал, что подыскал подходящего жениха. Тоже из американских корейцев, молодой, лет тридцати, у него успешный бизнес, связанный с военными поставками, так что отец все обдумал и уверен, что лучшего мужа не найти, поэтому пусть готовится.

Ну конечно, военные поставки. Золотое дно для всех, к ним причастных, куда там армейскому капитану с его счетом в банке... С бабкиной фермой и перспективой стать пилотом трансатлантических линий. Смешно и сравнивать.

А она продолжала, уже откровенно всхлипывая: как я к ней отношусь, она не знает, не выпадало случая серьезно об этом поговорить, но что до нее, она поняла, что любит меня по настоящему. Но отцовской воле противиться не может.

С такой грустной покорностью судьбе сказала, что меня форменным образом от гнева затрясло. Взвился, словно шило пониже спины вогнали. Плевать мне, что тут отнюдь не корейская специфика. Это все отвлеченные теоретические рассуждения. А когда напрямую задевает тебя самого, когда речь идет о девушке, которую любишь и хочешь на ней жениться... Совсем другой оборот.

И я сказал ей как есть. Что тоже ее люблю и твердо намерен на ней жениться, что я, конечно, не богат наподобие этого типа с военными поставками, но не приглашаю ее жить в лачуге и кормиться благотворительным супом – вполне в состоянии обеспечить пусть не роскошную, но достойную жизнь, причем не в Корее, где ей тоскливо, а в Штатах, где она родилась и выросла. Так что завтра же пойду к ее отцу и по всем правилам попрошу ее руки. А если он откажет, и без его согласия обойдемся. Зарегистрируем брак в американском консульстве – оба мы американские граждане, так что проблем не будет. И она на правах законной жены станет

жить на базе в моей комнате, пока не кончится война. А может, мне и раньше удастся вернуться в Штаты – норма боевых вылетов у меня почти выполнена, и при таком раскладе плевать мне на все премиальные выплаты для тех, кто соглашается остаться после выполнения нормы. Тут уже не в деньгах дело. А отец ей ничего не сделает – что он может сделать совершеннолетней американской гражданке, законной жене американского офицера? Все законы будут на нашей стороне, какой ни возьми. Главное, чтобы она согласилась.

Я ее утешал, как мог, заверил, что тоже люблю ее по-настоящему, что хочу на ней жениться, что смогу обустроить ей безбедную жизнь, главное – в Штатах. Рассказал, какой у меня план. Сначала Мэри прямо-таки полыхнула радостью и надеждой, но буквально тут же потухла, увяла, опять стала печальной. Сказала, что ничего из этого у нас не получится. Она, конечно, совершеннолетняя, и план мой ей очень нравится, но дело даже не в том, что отец рассердится и будет против. Я, в конце концов, прав: что он может нам сделать? А сама она ко мне из родительского дома ушла бы, не колеблясь. Все дело в дяде, он тут – главное препятствие. На отца он имеет огромное влияние, именно он, а не отец – инициатор брака с этим дельцом, и, что хуже всего, дядя – очень, очень, очень опасный человек. Вряд ли он ей сделает что-то такое уж плохое, а вот для меня может возникнуть смертельная опасность.

Так и повторила три раза – очень, очень, очень опасный человек. Но как я ни старался, категорически отказалась рассказать, отчего и почему этот чертов дядя так уж опасен. Сказала только, что всерьез за меня боится, дядя – старик жестокий и решительный, и если он что-то решил, все силы положит, чтобы по-его и вышло...

Ну а об меня, ответил я, зубы сломает, так что пусть не беспокоится. Я не мальчик и не оранжерейный цветочек – военный летчик, вторую войну кручу. И под смертью был не раз, и сбивал меня над Германией реактивный «мессершмитт». Только приземлился я благополучно, без единой царапинки, в расположении английской части. И вообще, я везучий, так что нисколько не боюсь штатского злобного старикана.

А Мэри твердила, что я ничего не понимаю, что тут случай особый, что дядя очень опасен. И все так же отказывалась рассказать, как с дядей обстоит и чем он так уж опасен...

На том и остались, она ушла, а я налил себе виски без содовой и уселся обдумать дальнейшие действия, а заодно и прикинуть, что это за «очень, очень, очень» опасный дядя. Я тут служил уже без малого год, в нашей контрразведке у меня был добрый приятель, так что обстановку здешнюю я знал получше многих, местными делами не интересовавшихся.

Очень быстро, раздумывая над загадочным дядей, чтоб ему на ровном месте провалиться, я, как мне тогда казалось, отыскал ответ на шараду. Одно-единственное коротенькое слово: мафия. В самом деле, это многое объясняло, если не все. Тот самый приятель мне и о ней рассказывал. В любом крупном портовом городе, под какими бы широтами дело ни происходило, гнездится мафия. Тут и контрабанда, и, как в нашем, жирные военные перевозки, вокруг которых всегда крутятся разные потаенные махинации. В здешних морях еще – самое натуральное пиратство, поставленное с большим размахом: крупные банды на быстроходных катерах, с пулеметами, агентурной сетью, подкупленными полицейскими и чиновниками. Часто грабят торговые суда, причем обнаглели настолько, что нападают и на наши корабли с военными грузами. И покончить ни с ними, ни с мафией пока что не удастся. Японскую мафию после поражения самураев наши разгромили подчистую и выкинули, но на смену ей быстро пришла корейская, самым тесным образом связанная с нашей.

Вот вам и объяснение. В самом деле, если клятый дядюшка связан с мафией или пиратами, а то и с теми и с другими, он и в самом деле типчик очень опасный. Угроза, к которой следует относиться серьезно. Такой, нужно рассуждать трезво, и на нашей базе может достать отравой, ножом или пулей. А если этот новоявленный женишок тоже с кем-то таким повязан – угроза двойная.

Только и для этой угрозы, очень может быть, и двойной, я вскоре придумал средство. Мэри уходит из дома, мы заключаем брак – только она не со мной на базе будет жить, а с первым же пароходом уедет в Штаты, во Фриско, а оттуда в Арканзас, на ферму к отцу, и там останется, пока я не вернусь в Штаты. Отцу я все напишу обстоятельно, он будет только рад. То, что она корейка, он, я уверен, спокойно примет, хотя наверняка с некоторой грустью подумает что-то вроде: «Не мог, шалопаи, свою найти...» Японки, корейки и китайки в качестве жен для Америки – явление редкое, но вполне житейское. Неподалеку от нас живет фермер, у которого сын с войны жену-филиппинку привез, ничего, прижилась, работающая, смиренная. Негритянки, конечно, другое дело. Будь она негритянкой, отец ее на порог бы не пустил, да и меня форменным образом проклял бы. Так уж у нас заведено. В жизни не слышал, чтобы у нас в Арканзасе, да и вообще на Юге, белый на черной женился. Я не говорю, что мы черных не любим или там умышленно преследуем. Просто они сами по себе, а мы сами по себе, так уж бог знает с каких времен заведено.

Словом, при таком обороте дела Мэри была бы в полной безопасности. Арканзасские фермеры – народ твердый. В каждом доме не один ствол отыщется. Если и нагрянут какие-нибудь гангстеры, от них и пуговиц не найдут, наши сами управятся, без шерифа, к шерифу они в самых крайних случаях обращаются. Ну, а то, что я здесь остаюсь, в пределах гангстерской или пиратской досягаемости... Не так уж и страшно, если подумать. После всех моих перипетий в небе паршивые местные гангстеры как-то убого смотрятся. В городе постараюсь появляться как можно реже, по крайней необходимости, а на базе, где хватает услуги из местных, буду держать ушки на макушке и без пистолета в кармане из комнаты не выйду. Посмотрим еще, кто кого...

Этим новым планом я не ограничился, придумал еще один. Если то, о чем я только что рассказал, смело можно считать объявлением военных действий, почему бы не попытаться сначала решить дело миром? В конце-то концов, такая попытка ни мне, ни Мэри ничем абсолютно не грозила...

Предприятие я задумал незатейливое, старое как мир. Какие могут быть сложности, хитрости и новизна в самом обычном сватовстве?

На другое утро надел парадный мундир, прицепил все свои награды, узнал по телефону, что отец Мэри у себя в офисе, через секретаря назначил место встречи и поехал в город. Без орудия, конечно – чем бы наш разговор ни кончился, безусловно, не станут убивать в офисе или на обратном пути на базу.

Офис у него был большой, сразу видно, что фирма процветает. И выглядел в точности как обычный американский офис крупного воротилы: корейцы, мужчины и женщины, одеты по-европейски, впрочем, и европейцы попадаются. Стрекочут пишущие машинки и телетайпы, звонят телефоны, снуют озабоченные служащие с бумагами – все как обычно.

И кабинет у отца Мэри был самый обыкновенный. Ничего корейского – разве что в углу на лакированной подставке кроме американского еще и корейский флаг, и на стене, за спиной хозяина, кроме президента Трумэна, еще и корейский президент Ли Сын Ман. Это ни о чем еще не говорило – наверняка у наших мафиозных боссов кабинеты выглядят точно так же, и их офисы ничем не отличаются от обычных...

И отец Мэри выглядел в точности так, как должен выглядеть американский уважаемый делец: в дорогом, прекрасно сидевшем на нем костюме, с бриллиантовым перстнем, бриллиантовой булавкой в галстучке, попыхивал дорогой сигарой. Трудно сказать, глядя на его азиатски непроницаемую физиономию, какие эмоции за ней кроются, но мне отчего-то показалось, что он нисколько не удивился моему визиту. Такое осталось впечатление.

Он вежливо предложил виски и сигару. Я вежливо отказался и сразу перешел к делу. Рассказал, что мы с Мэри, так уж случилось, любим друг друга и я собираюсь на ней жениться.

Мы об этом уже говорили, и она нисколько не против. Поэтому я по всем правилам, как человек взрослый и серьезный, пришел просить ее руки.

О том, какие отношения нас связывают, я, разумеется, ни словечком не упомянул: отцы молодых девушек, где бы дело ни происходило, к таким новостям относятся очень неодобрительно.

У него ни одна жилка на лице не дрогнула. Убедившись, что я закончил, от задал вопрос, какого в этой ситуации можно было ожидать от любого отца: на что мы собираемся жить? Грубо говоря, что у меня есть за душой?

Я рассказал и о бабкиной ферме, и о своем банковском счете, и о перспективе стать пилотом трансатлантических линий. Он слушал с тем же непроницаемым видом, а выслушав, спросил:

– И только?

Это было произнесено ровным, бесстрастным тоном, но мне не без оснований почудилась не просто насмешка, натуральная издевка. Так, наверное, держался бы какой-нибудь хладнокровный король, заявись к нему сватать принцессу захудалый дворянчик с парой убогих деревенок за душой. Я промолчал – а что мне оставалось делать?

Тогда заговорил он. Все так же ровно, бесстрастно, без тени эмоций. Что ж, этого следовало ожидать... Он говорил, что чувства – это, конечно, прекрасно, но, по его глубокому убеждению, они годятся исключительно для романтических фильмов и книг, а в реальной жизни, увы, все обстоит гораздо приземленнее. Не буду дословно передавать его довольно длинный монолог, вы, наверное, и так представляете, что богач вроде него мог сказать парню вроде меня. Он считает отцовским долгом устроить судьбу дочери как можно лучше, благо ситуация тому благоприятствует... И всё такое прочее. А потому, к превеликому сожалению, он из самых благих побуждений, исключительно в заботах о Мэри вынужден мне отказать.

Прозвучало всё это так, что никаких сомнений не осталось: он всё для себя решил и решения не изменит. Любые попытки переубедить не помогут. И я встал, чтобы уйти – а что еще оставалось делать?

– Сядьте, капитан, – сказал он невозмутимо. – Мы еще не закончили.

Я сел.

– Вам, конечно, такой адрес знаком, – сказал он. И назвал улицу, номер дома и квартиры, где мы с Мэри встречались. – Я знаю, какие отношения вас связывают... связывали. Мне, как отцу, это страшно не нравится, как и вам не понравилось бы на моем месте. Но в ярость приходить не буду – Мэри взрослая девушка, гораздо больше американка, чем кореянка, да и я прожил в Америке большую половину жизни. Однако еще не поздно всё поправить. Конечно, я не могу держать Мэри дома под замком – не те времена на дворе, и люди не те. Но вы должны порвать с ней всякие отношения. Безотлагательно и бесповоротно. Так будет лучше в первую очередь для вас.

– Угрожаете, мистер Пак? – усмехнулся я (и боюсь, улыбка была вымученной).

– Ну что за глупости вы говорите! – сказал он так искренне и открыто, что веры ему не было ни на грош. – Как бы я посмел, скромный лавочник, угрожать американскому офицеру? Бравому летчику, который защищает нас, убогих корейцев, от коммунистической заразы? Я просто-напросто пытаюсь, как уж получается, донести до вас сложность нашего мира. В молодости нам кажется, что мир прост и незатейлив, а это совсем не так. Сколько вам лет, двадцать пять?

– Двадцать восемь.

– Ну вот видите, – сказал он тоном доброго дядюшки. – Когда я был в вашем возрасте, тоже не задумывался над сложностью мира. Но потом понял: мир наш полон сложностей. И иные из них могут оказаться для человека опасными. Очень, очень опасными. И все гораздо сложнее, нежели, как вы выразились, «угрозы». Хорошенько подумайте над тем, что я сказал.

Иные сложности мира способны человека погубить... и люди будут здесь совершенно ни при чем. Совершенно...

Он замолчал, молчал долго, и я понял, что разговор окончен. Встал и ушел, не прощаясь. Когда садился в джип, весь кипел, но потом с собой справился. Следовало обдумать ситуацию хладнокровно – в точности как на разборе полетов или инструктаже перед очередным боевым заданием.

Без сомнения, за нами следили... и не за нами, а за одной Мэри. Я ничего не смыслю в слежке и прочих таких делах, разве что порой от скуки прочитаю детективный роман – но детективы ничему научить не могут, там просто пишется «я следил» или «за мной, я сразу определил, следили». А технология, так сказать, почти и не описывается. Но тут, по-моему, достаточно обычной житейской сметки.

Следить за мной, я подумал, слишком сложно. Откуда им знать, когда точно я выезжаю с базы? А вот следить за Мэри гораздо проще. Кто? Я слышал краем уха, что и здесь есть частные сыщики. Но в сочетании с угрозами мистера Пака скорее уж заподозришь, что речь идет о местной мафии.

То, что ее папаша оказался связан с мафией, а то и сам – мафиозо, менянисколько испугало. Может, еще и потому, что до сих пор я с мафиозо не сталкивался, плохо представлял, что они такое и чего от них ждать. Этакая абстрактная угроза. Ну, как эскимос, привыкший к угрозе исключительно от белых медведей, не умеет толком бояться ядовитых змей. Даже если и знает, что они есть и их укусы бывают смертельными. А еще я подумал: драться с реактивными «мессершмиттами» было делом гораздо более опасным и, что греха таить, почти безнадежным...

И я вовсе не отказался от мысли жениться на Мэри и отправить ее к моему отцу в Штаты. Наоборот, только укрепился в этой мысли. Уж там-то ее не достанут. Гангстеры – парни серьезные, кто бы спорил, вот только они наверняка не знают, на что способен арканзасский фермер из глухомани, если его разозлить...

Ну а я... Постараюсь не высовывать нос с базы, смотреть в оба, держать ушки на макушке, и пусть попробуют меня достать. Это еще бабушка надвое сказала, кто кого...

В общем, я приехал на базу, уже окончательно успокоившись. И чтобы кое-что прояснить, пошел к Биллу, тому самому приятелю из контрразведки. Отношения у нас были вполне дружеские, доверительные, и я ему рассказал практически все – ну конечно, без тех подробностей, что были моим личным делом.

Билли почти что и не раздумывал. Сказал:

– Правильно рассуждаешь. Следить за тобой – чересчур хлопотное дело. Пришлось бы долго торчать в машине неподалеку от базы, не зная, когда ты выедешь и вообще поедешь ли в город. Охрана базы как раз и наблюдает за такими вот подозрительными машинами, и серьезные люди вроде местных мафиози не могут этого не знать. Зачем им лезть на рожон? Гораздо проще и безопаснее следить за твоей девушкой. Скажем, кто-то из слуг подслушивает ваши с ней разговоры по параллельному телефону и, когда она выходит из дома, дает знать шпиикам. Или просто сообщает всякий раз, когда она выходит из дома. А шпиики могут хоть круглые сутки сидеть в машине возле дома ее папаша. Серьезному мафиозо или просто богатому человеку устроить такое – раз плюнуть. А слежку твоя девушка выявлять просто не умеет, как и ты. Сам говоришь, вы с ней ни разу и не подумали, что за ней могут следить. А они следили. И узнали точный адрес вашего гнездышка.

– Погоди, – сказал я. – Ну хорошо, узнали улицу и дом. А как проведали номер квартиры?

– Это тоже дело нехитрое, – сказал Билли. – Шпик, чуточку выждав, заходит в подъезд следом за девушкой и видит, в какую квартиру она заходит. Как ни в чем не бывало поднимается этажом выше – и, когда она скроется в квартире, на цыпочках спускается вниз. Всего делов...

– А если квартира – на последнем этаже? – полюбопытствовал я. – Наша не на последнем, на третьем, но все равно интересно...

– Тоже ничего сложного, – ухмыльнулся Билли. – Шпик как ни в чем не бывало спрашивает у твоей девушки... ну, скажем, не знает ли она, в какой квартире живет мистер Чен. Она отвечает, что не знает – вы с ней ведь наверняка не знаете соседей по имени? Вот... Потом он для пушего правдоподобия звонит в соседние квартиры с тем же вопросом. И, не найдя своего Чена, вежливо извиняется за беспокойство и спокойно уходит. Никто ничего не заподозрит, вы с ней в том числе. Примерно так эти дела обдeldываются... что-то вроде этого, я уверен, и произошло. Иначе откуда папаша знает этот адрес? Человек его положения никогда не стал бы следить сам – вот нужных людей найти нетрудно, обладая деньгами и жизненным опытом. Особенно если он связан с мафией. Ну, не вешай носа. Есть управа и на мафию.

И он рассказал – конечно, под глубочайшим секретом, – что именно он имеет в виду. Мафию, сказал он, еще никому и никогда не удавалось искоренить полностью. Даже Муссолини, хотя он и пользовался исключительно зверскими методами, которые ни в одной демократической стране не прокатят. Так что мафию приходится терпеть как неизбежное зло вроде грозы или торнадо. Весьма существенное отличие в том, что с грозой или торнадо нельзя договориться... С мафией, строго между нами, предупредил он, обстоит как раз наоборот. Есть кое-какие каналы связи при необходимости. Сам Билли такими вещами не занимается, но знает людей, которые занимаются, и может с ними поговорить, чтобы помогли. В конце концов этим мафиози объяснят, насколько для них может оказаться вредно для здоровья, если будут цепляться к американским офицерам. Кое-кто может рассердиться и чувствительно намылить им холку. Примерно так. Быстро такие дела не делаются, несколько дней отнимет – но дней через несколько результат будет, и все, Билли не сомневается, решится в мою пользу.

Ушел я от него, не на шутку обнадеженный, даже повеселевший. Получалось, что теперь мне драться не в одиночку, за спиной появилась сила, ничуть не уступавшая корейской мафии, а то и превосходившая. Говоря военным языком, тылы были надежно прикрыты.

А потому, едва я вернулся к себе, веселый и радостный, тут же позвонил Мэри и спросил: может ли она прийти на свидание, в нашу квартиру, конечно. Вообще, как у нее обстоят дела? Добавил, что говорил с ее отцом, но по телефону слишком долго рассказывать, да и наши телефонистки могут от скуки слушать разговоры (она уже знала, что так и обстоит, и девушки с узла связи любят посплетничать, и не только меж собой).

Голос у нее был грустный, все такой же тусклый, но прийти в нашу квартиру она согласилась – никак не похоже (я действовал осторожными намеками), что родители ограничили свободу. Подозреваю, дело было еще и в извечном женском любопытстве – едва она услышала, что я говорил с ее отцом, голос зазвучал по-другому.

Дальше начался суший детективный роман. Я приехал загодя, сидел в джипе неподалеку от особняка ее отца, там, откуда мог хорошо видеть и вход, и окрестности. Сыщик из меня, конечно, никакой, но я не увидел ни людей в машине, ни просто людей, которые следили бы за входом. Не нужно быть сыщиком, чтобы определить: ничего подобного, не могут же шпики стать невидимками?

Она вскоре вышла, до нашего дома, как всегда, должна была добираться пешком – там пройти нужно было всего-то два квартала, пусть длинных. Я медленно поехал метрах в ста за ней. Знал из тех же романов, что шпик при слежке всегда держит определенную дистанцию – но опять-таки был уверен, что никто за ней на такой вот дистанции не идет, ни мужчина, ни женщина. Прохожих на улице было не так уж много, и я верил, что не ошибся. Выждал немного – но никто следом за ней в подъезд не вошел. Впрочем, и нужды не было – если уж они знали точный адрес, должны были и так понять, куда она пошла.

Как я и думал, она первым делом хотела знать все о моем разговоре с ее отцом. Я рассказал подробно. Она еще больше запечалилась, со слезами на глазах сказала: вот видишь, я же предупреждала, что кончится чем-то вроде этого...

Я, понятно, принялся ее утешать. Рассказал о разговоре с Билли, заверил, что парень он надежный и все свои обещания выполняет. И подробно изложил свой план: отправлю ее в Штаты на ферму к отцу, и он мою законную жену примет, я не сомневаюсь, как родную. Я почти не знаю, какие у корейцев традиции, но отец ее как-никак большую часть жизни прожил в Америке, и мать тоже, а это не может не повлиять. Крепко сомневаюсь, что родители от нее отрекутся и проклянут так, как это показывают в фильмах из старинной жизни. Такое, что греха таить, и в Штатах случается, но крайне редко – как-никак середина двадцатого века. Если и бывает, то в вовсе уж глухом фермерском захолустье. У нас в округе я ни о чем подобном отродясь не слышал – а ведь отец ее много лет прожил не в какой-нибудь глухомани, а во Фриско, одном из самых больших американских городов.

Мэри сказала, что пошла бы на то, что я предлагаю, но только при других условиях. Как-то загадочно это прозвучало, «других», и я спросил напрямую: не связан ли ее отец с мафией, а то и сам – серьезный мафиозо? Даже если так, нечего ей бояться: в наших местах мафия как-то не котируется, тем более корейская, и фермеры наши любой мафии, если сунется, покажут, что почем и с какой стороны у опоссума хвост, а у винчестера приклад.

Мэри сказала, что я ничего не понимаю, что все гораздо хуже, чем мафия или даже пираты. И, я чувствовал, замкнулась, как устрица во время отлива.

Естественно, я жаждал объяснений. Что в этом городе может быть хуже мафии или пиратов? И приложил все усилия, чтобы ее разговорить, очень деликатно, нежно даже, но чертовски настойчиво. Удалось. В конце концов она сдалась. И выложила такое, что у меня рот раскрылся от изумления пошире дула авиапушки.

Вы только представьте себе! Получалось, что дядя у нее – самый натуральный колдун, причем злой, в точности как в серии комиксов, которые я собирал мальчишкой: «Злой колдун Зеппо и Боцман». Ну, не ко всем злой, ее он любит и всегда был к ней очень добрым, но вот другим может сделать много плохого...

В другое время, не будь она такой расстроенной, я бы расхохотался во все горло. На дворе середина двадцатого века! Телевизоры есть у многих, реактивные самолеты возят пассажиров через Атлантику, как подземка или автобусы, газеты все чаще пишут, что вскоре люди полетят в космос, как в фантастических романах или журнале «Занимательные истории», на других планетах высадятся. Да мало ли всякого, что лет сто назад оказалось бы сказкой или чудесами. И вдруг – натуральный колдун! Они бывают только в комиксах и в кино. Кто нынче всерьез верит в колдовство или ведьм? Одни только неграмотные негры с плантаций. Мальчишкой я от них всякого наслушался, как и мои приятели – но мы уже тогда не особенно верили, а когда я стал взрослеть, не верил вовсе. В жизни мне не встречались колдуны и ведьмы, и никому из белых в наших краях тоже. А Мэри к тому же – никак не девушка из захолустья, большую часть жизни прожила во Фриско, училась в католической школе, стыдно верить современной американской девушке – а кто же она еще? – во всякие средневековые сказки...

Она повторила, что я ничего не понимаю. И стала рассказывать...

Впервые она узнала, на что ее дядя способен, когда ей было лет пять. Дядя часто с ней возился. И начал доставать буквально из воздуха ее любимые шоколадки, лакричные леденцы, мороженое «Баскин и Роббинс». Потом ее куклы и плюшевые медведи ожили, стали расхаживать по детской, разговаривать с ней, петь ее любимые песенки. Медведи разъезжали на плюшевых осликах, показывали всякие номера, как цирковые наездники, клоуны жонглировали мячиками, куклы танцевали. Малышке все это страшно нравилось – и она, как любой ребенок на ее месте и в ее возрасте, нисколько не задумывалась, что такого просто-напросто не должно быть...

Потом она подросла, пошла в школу, а там и перестала играть в куклы, и все они отправились в шкаф. Но ее любимые сладости дядя по-прежнему доставал из воздуха. Родители, оказалось, знали все и о сладостях, и об оживающих куклах, но настрого ей наказали никому в школе об этом не рассказывать. Она и не рассказывала. Когда ей было лет десять, началось кое-что другое. Вместе с дядей к ней всякий раз приходили персонажи ее любимых книжек, мультфильмов и кино с живыми актерами: Русалочка, Дороти с Тотошкой, Страшилой, Железным Дровосеком и Львом¹, Белоснежка с семью гномами, Бетти Буп², Принцесса-Златовласка и другие. Они были величиной с кукол и совсем как настоящие – гномы и друзья Дороти здоровались с ней за руку. Рассказывали ей всякие истории из своей жизни, о волшебной стране, играли – некоторые игры придумывали сами, на ходу. О них тоже нельзя было никому рассказывать – а то, предупредил дядя, они больше никогда не придут.

Когда она стала подростком, кое-что изменилось. Теперь с ней приходили только сказочные девчонки – и они не столько играли, сколько долго болтали обо всем на свете, как это у девчонок водится. В этом возрасте девчонки начинают болтать и о мальчиках – но вот дядя был категорически против этих разговоров. Так что Мэри порой жалела, что ее гости не могут приходиться сами по себе, появляются исключительно вместе с дядей.

В конце концов она не выдержала, не смогла держать язык за зубами. Одной из ее лучших, закадычных и старых, еще с дошкольных времен, подруг была Джейн, тоже корейка, тоже родившаяся во Фриско у давно обосновавшихся там родителей. Ей-то Мэри все и рассказала: и об оживавших куклах, и о том, как обстояло с гостями, а сейчас обстоит с гостями.

К немалому удивлению Мэри, Джейн нисколько не удивилась и не выказала ни малейшего недоверия. Наоборот... Мэри ей все рассказала под величайшим секретом, взяла их тогдашние жуткие клятвы молчать, а вот теперь Джейн заявила, что расскажет кое-что под величайшим секретом и не иначе как взяв предварительно самые жуткие клятвы. Мэри, очень заинтригованная, уверила, что молчать будет, и все клятвы дала.

Вот Джейн и рассказала... По ее словам, белые об этом ничегошеньки не знали, а вот кое-кто из корейской общины, в том числе ее бабушка с бабушкой, как раз знали. Джейн говорила Мэри, что ее дядя – самый настоящий колдун, причем у него больше злого колдовства, чем доброго. И она недавно подслушала разговор бабушки с другим корейским стариком. Они прямо говорили, что дядя Мэри уже сгубил злым колдовством несколько человек, корейца и трех американцев. Все они были серьезными конкурентами отцу Мэри в бизнесе, и дядя таким образом брату помогал. Водилось за ним и что-то еще крайне нехорошее – но что именно, старики обсуждать не стали.

У Мэри осталось впечатление, что Джейн пожалела о своей откровенности – Мэри уже была достаточно большая, чтобы подметить такие вещи. Джейн казалась испуганной, прямо-таки умоляла Мэри намертво молчать об их разговоре, так что Мэри пришлось еще раз давать эти их жуткие клятвы.

Что было потом? Да ничего, собственно. В колдовство Мэри скорее верила, чем не верила. Потому что верила священнику, преподававшему в их школе Закон Божий (в обычных школах этого нет, а в католических есть). Он говорил: колдовство, безусловно, существует, но оно исключительно от дьявола, и прикасаться к нему не следует, чтобы не погубить свою бессмертную душу. О том же говорили и учительницы-монахини.

Вот только Мэри категорически не верила, что дядя – злой колдун. Ничего плохого она от него в жизни не видела, наоборот. Вызывал он к ней не чертей или злых духов, как делают злые колдуны в сказках и комиксах, а безобидных героев и героинь детских книжек и кино. Где же тут пресловутые происки дьявола? Так что Мэри отношения к дяде нисколько не изменила.

¹ По книгам Александра Волкова (часть из них – пересказ цикла Л. Ф. Баума о Волшебной стране) известна у нас как Элли.

² Веселая, проказливая девица, героиня комиксов и мультфильмов.

А через неделю Джейн неожиданно умерла – тяжелая пневмония. Тогда Мэри в ее смерти ничего странного не увидела – а вот потом, она сказала, мнение переменяла, не сразу, через пару лет, после того как приключилось еще одно несчастье...

В отношениях с дядей какое-то время всё шло как обычно – то есть Мэри по-прежнему долго общалась со своими гостями и была им рада. Но настало время, когда она стала понимать, что их переросла. Она выросла, а они – нисколечко, и в конце концов ей стало попросту скучно с ними, как было бы скучно долго болтать с девочками несколькими годами ее младше. Гораздо интереснее было с живыми ровесницами: другие разговоры, другая болтовня, другие темы, в том числе и те, против которых дядя категорически возражал и не давал их затрагивать в разговорах с гостями. Мальчики, ага. И пересуды старшекласниц о некоторых сторонах взрослой жизни – конечно, о многом они имели самое смутное, часто ошибочное представление, но болтали много, с хихоньками-хахоньками. В конце концов Мэри откровенно призналась дяде, что с гостями ей стало скучно. Он ничуть не удивился, сказал понимающе:

– Я и сам стал что-то такое замечать. А ведь ты взрослеешь, девочка, хоть я по старой памяти и отношусь к тебе как к маленькой...

И гости перестали приходиться. Мэри никогда дядюшку не боялась, но тут на нее напала необычная робость. Не без труда с ней справившись, она спросила: а нельзя ли, чтобы некоторые из гостей все же остались? Только держались по-другому – не как малолетние девочки, а как ее ровесницы? Конечно, нельзя этого требовать от Дороти, она маленькая, но вот Русалочка, Принцесса-Златовласка и Белоснежка, не говоря уж о Бетти Буп, пожалуй что, даже постарше ее, но держатся, как маленькие. А ведь есть еще героини книжек, которые она теперь читает, – вполне приличных книжек. Одним словом, не может ли дядя сделать так, чтобы к ней приходили в гости сверстницы?

Ей показалось, что эта просьба дядю рассердила, хотя он и старался этого не показать. И определенно суховаго сказал: этого он не умеет (но у Мэри осталось стойкое впечатление, что он ей солгал). Он сказал еще: ей не следует забывать, что она в первую очередь кореянка, а уж потом американка. У корейцев свои традиции. И добавил еще: у него немалый жизненный опыт, и он знает, что американские старшекласницы частенько ведут меж собой достаточно вольные разговоры. И лично его это несказанно удручает – все равно о девушках какой национальности идет речь. И какое-то время откровенно морализировал: мол, раньше взрослеющие девицы вели себя совершенно иначе, что в Корее, что в Америке. И все такое прочее.

Мэри все это старательно выслушала – но про себя насмешливо думала, что это не более чем старческое брюзжанье. Она где-то прочитала, что в каждом поколении старики любят критиковать «распустившуюся молодежь», и тянется это с тех времен, когда только появилась письменность. А может, все это началось еще и раньше, но письменности еще не было, а устных отзывов о «распустившейся молодежи», понятное дело, не осталось...

В последующие два года в жизни Мэри, она сама говорила, не случилось ничего, достойного упоминания. Разве что дядя по-прежнему доставал из воздуха всякие вкусные вещи – Мэри выросла, а любимые лакомства оставались прежними. Разве что теперь к сладостям добавились и модные платья, и кое-какие украшения – ну понятно, возраст, она стала почти что взрослой девушкой.

А в выпускном классе проблема возникла, да еще какая...

Ну да, мальчики. Американские старшекласницы довольно рано начинают встречаться с мальчиками. Конечно, очень и очень редко до серьезных вольностей – ну, вы понимаете, о чем я. Все долго обстоит очень невинно: ходят в кино, на танцы в школе, гуляют, целуются там, где никто не видит. Мэри долгонько стояла от всего этого в стороне, как подруги ни подзуживали, – ну, строгое католическое воспитание и не менее строгое домашнее. Только в выпускном классе месяца за два до окончания школы она попала в прицел тому парню с крылышками, что порхает там и сям и пускает в людей стрелы, – я про Амура.

В День святого Патрика³ она познакомилась не с ровесником – с парнем года на четыре ее старше. Этаким Пэдди⁴ в квадрате – ирландец по имени Патрик, студент. И закрутилась... Мэри о нем рассказывала скупно, но по некоторым обмолвкам я заключил, что он и был ее первой любовью. Иначе не случилось бы того, что случилось.

Выпускной бал для нее закончился поздней ночью на заднем сиденье машины Патрика. В полном соответствии со специфической американской традицией. Только нас можно назвать нацией автомобилистов, автомобиль в нашей жизни играет огромную роль, гораздо большую, чем в любой другой стране. Ну и так уж повелось, что большинство американских девушек невинность теряют как раз на заднем сиденье машины своего парня. Мэри исключением не стала – воспитание может быть каким угодно строгим, но коли уж этот парень с крылышками пустил стрелу – ничего не попишешь.

Понятно, очень часто это заднее сиденье продолжения не имеет – пройдет какое-то время, и голубки преспокойно разлетаются в разные стороны. По себе знаю. Первый опыт – это вроде кори, которая всех достает без всяких последствий...

Только у Мэри с Патриком все обернулось совершенно иначе – ну, опять-таки не они первые, не они последние. Хоть я к этому Патрику заочно относился без всякого восторга (кому приятно знать, кто у твоей девушки был первым?), должен признать: парень, очень похоже, был неплохой и серьезный. Вскоре он предложил Мэри выйти за него замуж через год, когда он закончит колледж и устроится на работу. Заверял, что это у него не какой-то романтический нахлыв: он все обдумал и взвесил.

Мэри согласилась – как она призналась, не особенно и раздумывая. Патрик, судя по всему, был из тех, кто рассчитывает всерьез и надолго – ну да, вдобавок ко всему технарь, учился на инженера-энергетика. Планы на будущее он строил вполне реалистические.

Инженер-энергетик у нас – профессия престижная, жалованье высокое даже у начинающих. Хорошее местечко ему присмотрел отец и брался туда без проблем устроить – на одну из местных ГЭС. Отец у него тоже был инженером-энергетиком, но к тому времени занимал уже немаленький пост в каком-то ведомстве штата, забыл название, которое как раз и ведало энергетикой. Так что хватало возможностей и связей устроить сына на хорошее место, с карьерными перспективами и ростом жалованья. Дельный и энергичный парень может с такого места подняться высоко.

Все у него было четко расписано: сначала снимут квартиру, а примерно через год он купит в кредит не особенно роскошный, но вполне приличный домик, он уже присматривался и к квартирам, и к домикам, выяснял насчет кредита. Одним словом, дельный был парень, этого у него не отнимешь, на жизнь смотрел трезво и планы строил насквозь реалистические.

Мэри все это принимала с большим энтузиазмом. Надо полагать, все ее суровое воспитание в этих условиях (особенно после того, что произошло в его машине) дало трещины, если не рассыпалось прахом. Вообще-то родители откровенно намекали, что постараются устроить ее замужество наилучшим способом, подыщут подходящего жениха, но она не относилась к этому серьезно. Как я уже говорил, она была современной американской девушкой, а на дворе стояла середина двадцатого столетия. И родительская воля была чем-то, с чем они оба не собирались слепо считаться. В конце концов, родителей можно было поставить перед фактом – мало ли примеров?

А потом чередой пошли странные неприятности...

Сразу три их свидания подряд сорвались. Причем причина всякий раз была в Патрике. В первый раз у него скрутило живот и он лежал у себя в студенческом городке с тошнотой

³ Святой Патрик числится покровителем Ирландии. Его праздник американские ирландцы тоже отмечают пышно: уличные шествия, оркестры, торжественные богослужения, обильные застолья, гульба в барах.

⁴ Прозвище ирландцев в США, наподобие «янки» для англосаксов.

и ознобом. Врач предполагал, что он съел что-нибудь несвежее, и посоветовал внимательнее следить за питанием – причем сам Патрик ничего несвежего не помнил, но врач настаивал, что это классические симптомы пищевого отравления. Во второй раз – они тогда решили вечером поехать вновь за город, в достаточно уединенное местечко – машина Патрика сломалась так основательно, что в мастерскую ее пришлось тащить на буксире. И наконец, он оступись на лестнице, вывихнул лодыжку, так что с неделю пролежал пластом в постели.

Тогда-то у нее и зашевелились смутные подозрения – но верить до конца она не хотела...

А потом ее неожиданно позвал в кабинет отец. Там был и дядя, но он молчал, говорил главным образом отец. Мягко, но непреклонно заявил: им известно о их отношениях с Патриком, известно, что произошло вечером после выпускного бала в холмах под Фриско. Они крайне удручены, что Мэри вела себя так, как, безусловно, не подобает приличной девушке из хорошей семьи, но еще не поздно все поправить. Она больше не должна видаться с Патриком, вообще забыть о нем. Это не просьба, а категорическое требование. Были еще уговоры и увещевания, много было сказано о том, что она еще слишком молода, не должна губить себе жизнь, что Патрик ей не пара, – одним словом, все, что в таком случае могут сказать старшие.

Мэри пыталась возражать, говорила, что они любят друг друга, что намерения у них самые серьезные и они хотят пожениться. Даже робко попробовала возражать отцу, сказала, что она уже взрослая и хочет сама распоряжаться своей судьбой. Отец был непреклонен, и дядя его поддерживал. В конце концов Мэри спорить и возражать перестала, притворилась, что приняла все к сведению и сделала должные выводы. А через час, когда она хотела звонить Патрику, он сам позвонил и очень настойчиво назначил свидание.

На этот раз им ничто не помешало. Но Патрик сразу же ей рассказал, что случилось. Только что к нему в студенческий городок приезжал дядя Мэри. Точно так же сказал: отцу и ему прекрасно известно, какие отношения связывают его и Мэри. И он не просит – требует немедленно всякие отношения прервать, вообще забыть, что Мэри существует на свете. В противном случае... Нет, дядя не угрожал прямо, не сказал ничего конкретного – но это были именно угрозы, обещание серьезных неприятностей, от которых «ничто на этом свете», по выражению дяди, не спасет и не защитит.

Патрик вспылил – сказала горячая ирландская кровь. Не особенно и выбирая выражения, заявил: у дяди нет никакого права вмешиваться в их личную жизнь и что-либо запрещать. Намерения у них самые серьезные, и Мэри достаточно взрослая, чтобы по законам штата выйти замуж. А уж Патрик постарается, чтобы она была счастлива в браке. Нищенствовать им, безусловно, не придется, так что родным следует примириться с их решением – ради самой же Мэри. Неужели они хотят, чтобы Мэри была несчастлива?

Дядя слушал его со всем азиатским бесстрашием. Ответил: счастье каждый понимает по-своему. Патрик наговорил ему еще дерзостей. Тогда дядя, все такой же бесстрашный, молча шевельнул указательным пальцем. Патрик сидел у стены – и тяжелый стеклянный стакан для карандашей вдруг сорвался со стола, пролетел через комнатку и ударил в стену рядом с головой Патрика, осыпав его осколками. Патрик, конечно, был ошарашен – это произошло наяву, не во сне...

– Вот так, молодой человек, – преспокойно сказал дядя. – Теперь понимаете, что я имел в виду, когда говорил, что ничто на этом свете вас не спасет, если будете строптивым? В следующий раз это может оказаться какой-нибудь предмет потяжелее и угодить не в стену, а вам в голову... Подумайте как следует. Всего наилучшего!

И ушел, оставив Патрика в полной растерянности – ни с чем подобным он в жизни не сталкивался. А в колдовство самую чуточку верил, как многие ирландцы. Осколки стакана валялись на прежнем месте, и никаким «фокусом» объяснить это было нельзя...

Вот тут подозрения Мэри превратились чуть ли не в уверенность. Оживающие куклы и гости, смерть Джейн и то, что она рассказала о дяде, сорвавшиеся три раза подряд свидания,

наконец, сегодняшний случай... Так она и сказала Патрику – что опасается колдовства дяди, опасного в первую очередь для Патрика – дядя, она уверена, ей вреда не причинит.

Патрик не то чтобы ее высмеял, но отнесся к ее словам довольно скептически. Сказал: он еще верит, что самые настоящие колдуны могут жить где-нибудь в ирландской глуши, разные слухи ходят, но в огромном Сан-Франциско, в середине двадцатого века?! Он, без пяти минут инженер, рациональный технарь, поверить в такое никак не может. По его твердому убеждению, все можно объяснить, не привлекая ничего сверхъестественного. Скажем, всё это – гипноз, вещь вполне материалистическая. А сорвавшиеся свидания... Простое совпадение, целая их цепочка. Всякое в жизни случается. Он сам недавно читал в достаточно серьезном журнале про одного англичанина, в которого молния ударила трижды, а после его смерти ударила в его надгробие...

И все же Мэри он до конца не убедил, как ни старался. Расстались они, так ничего и не решив относительно будущего. Патрик сказал: как бы он к ней ни относился, не может себе позволить жениться, когда до окончания колледжа остается чуть меньше года. Ему просто не на что будет содержать жену, и с его стороны было бы крайне безответственно пойти на такой шаг. Так и расстались, ничего толком не решив...

А назавтра случилось уже настоящее несчастье. Приехав навестить родителей, Патрик оступился на крыльце, да так неудачно, что сломал позвоночник. Врачи разводили руками: медицина тут бессильна, остаток жизни парень проведет в инвалидной коляске...

Тут уж не было речи не то что о женитьбе, но и о дальнейших свиданиях. Патрик сам сказал, что Мэри следует его забыть, как будто его и не было. Будущего у них нет. Мэри какое-то время была в жутком состоянии, плакала, не могла есть. Не сомневалась теперь, что это всё – дядя. А он по-прежнему был с ней мягок и заботлив – но теперь Мэри его откровенно боялась...

А через полтора месяца все семейство переехало в Корею. Мэри первое время писала Патрику, но он не отвечал. Она перестала писать, и через какое-то время боль и тоска сгладились. И вот теперь случилось что-то до ужаса похожее. Тут Мэри начала плакать и сказала, что боится за меня, что и со мной может приключиться какое-нибудь несчастье, а потому нам не следует больше видеться. Как я ее ни утешал, она осталась удрученной и откровенно испуганной. Так и расстались, ничего толком не решив – как когда-то они с Патриком...

Проводив ее, я собрал в кулак чувства и постарался все трезво обдумать. Ни в какое колдовство я по-прежнему не верил. Объяснение само собой подворачивалось крайне убедительное. Собственно говоря, его нашел Патрик...

Гипноз. Обычная вещь, не имеющая отношения ни к чему сверхъестественному. Просто-напросто ее дядя был сильным гипнотизером. Вот и внушал девочке, что ее куклы оживают, что к ней приходят гости. Из самых лучших побуждений – развлекал любимую племянницу. А то, что он доставал лакомства из воздуха, – ловкость рук и не более того. Я сам видел в цирке в Литл-Роке, как фокусник доставал из прически девушки золотые двадцатидолларовики, а из цилиндра – кроликов, утку и букеты самых настоящих цветов. Колдовства в этом не было ни на цент – всего лишь ловкость рук. Случай со стаканом опять-таки можно преспокойно объяснить гипнозом: дядя сам разбил его об стену, а Патрику внушил, что он спокойно сидит на прежнем месте. Сорвавшиеся свидания и несчастный случай с Патриком – цепочка совпадений, а смерть Джейн последовала от самых что ни на есть естественных причин.

А вот на меня гипноз не действует, знаю совершенно точно. Был в Париже на выступлении какого-то сильного французского гипнотизера, говорили, знаменитого. Он как раз приглашал желающих из публики и проделывал с ними разные штуки. Моему другу Джонни он внушил, что тот вовсе не военный летчик, а танцовщица из кабаре. Джонни пел, танцевал, даже голос у него явственно изменился, стал похож на женский. Причем он сам не помнил, что с ним такое было, даже не верил мне, когда я подробно рассказывал, как он выплясывал,

выбрасывая ноги, как заправская танцовщица в коротенькой юбчонке, как играл глазами и жеманился, когда за «танцовщицей» стал ухаживать другой зритель, пожилой, толстенький, лысый, которому гипнотизер внушил, что он – молодой гусарский лейтенант.

Так вот, я сначала вышел на сцену вместе с Джонни – только у этой знаменитости ничего со мной не получилось, и в конце концов он так и сказал: «Вы, молодой человек, совершенно не поддаетесь гипнозу». Так что я совершенно успокоился: уж со мной-то у клятого дядюшки ничего не выйдет, хоть он лоб себе разбей. А значит, план остается прежним: уговорить Мэри сочетаться со мной браком и отправить ее в Штаты к отцу. Втолковать ей, что все дело в гипнозе и бояться ничего не следует, не стоит и повторять всякие глупости о колдовстве.

А на следующий день Мэри мне позвонила и попросила приехать, если есть такая возможность. Голос у нее был совершенно другой – беззаботный, даже веселый, ни следа вчерашнего дурного настроения и уж тем более слез. Я обрадовался и спросил: уж не изменилось ли что? «Кажется, да, и в лучшую сторону», – сказала она определенно кокетливо – ну абсолютно прежняя!

Понятно, я помчался к ней как на крыльях. Попытался догадаться, что могло измениться в лучшую сторону. В конце концов решил: отец понял, что погорячился, и решил дать согласие на наш брак. Другого объяснения просто не подворачивалось – иначе почему Мэри такая веселая?

Мэри в гостиной не оказалось! В гостиной сидел пожилой кореец, респектабельный, вальяжный, с бриллиантовой булавкой в галстук, при массивных золотых часах. Я прожил в Корее достаточно долго, и корейцы мне уже не казались все на одно лицо. И мне показалось, что я в нем усматриваю определенное сходство с отцом Мэри. Дядюшка, чтоб его черти взяли? Я все еще таранился на него в изумлении. И помаленьку стал закипать. Подумал, что они, подслушав наш разговор, заперли Мэри дома, а дядя, забрав у нее ключи, отправился сюда. Другого объяснения просто не было. И я спросил неприязненно, не видел причин с ним деликатничать:

– Чем обязан? Вы никак дядюшка Пак?

– Вы очень сообразительны, молодой человек, – сказал он, улыбаясь одними губами.

– Что с Мэри? – спросил я резко, начиная отходить от изумления, чем дальше, тем больше сменявшегося злостью.

– О, с ней все благополучно, – ответил он с той же ухмылочкой. – Я надеюсь, вы извините мою маленькую мистификацию.

– Вы о чем? – непонимающе спросил я.

И он заговорил... голосом Мэри! Тем самым, беззаботным, веселым, кокетливым. Повторил все, что она мне говорила полчаса назад. Я ничего еще толком не понимал, но начал уже подозревать, что мне звонила вовсе не Мэри...

– Я понимаю, вы удивлены... – сказал он, так и не убрав с лица улыбочку. Как бывает у многих азиатов, хорошо умеющих скрывать свои чувства, его лицо напоминало лицо статуи.

Я не собирался предоставлять ему инициативу. И ответил, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал так же бесстрастно, как у него:

– Не особенно. Видывал в цирке и не такое. – и не удержался от шпильки: – Вы, я так понимаю, чревовещатель? А знаете, в цирке вы бы зашибали неплохую монету...

Что бы он там ни чувствовал, на лице ничего не отразилось.

– Никогда не думал о карьере циркача, мои нынешние занятия меня полностью устраивают. Мне кажется, вы уже поняли, кто я?

– Ну, тут нет ничего мудреного, – сказал я, садясь – как-никак я был здесь у себя дома. – Дядюшка Пак, я полагаю? С чем пожаловали?

– Давайте говорить без дипломатии, – сказал он. – Мне бы хотелось, чтобы вы оставили Мэри в покое и навсегда забыли о ней. Может быть, вы хотите денег?

– Не все в этом мире меряется деньгами, – отрезал я.

– О, простите, если я вас чем-то задел... Так уж случилось, что у меня многолетний опыт общения с вашими соотечественниками. И я давно понял, что в жизни американцев деньги играют большую роль...

– Не у всех и не всегда, – отрезал я.

– Ну что же, тогда попробуем по-другому... Опять-таки без дипломатии. Если вы не оставите Мэри в покое, может случиться так, что вам будет плохо. Очень плохо. Как ни прискорбно это говорить, но я не поручился бы за вашу жизнь...

– Вот даже как? – усмехнулся я. – Не надо меня пугать, дядюшка Пак. Я не впечатлительный хлюпик, а военный летчик. И смерти не боюсь. Частенько приходилось с ней встречаться на встречах курсах...

– Все опасности, с которыми вы до сих пор встречались, были, так сказать, людскими, – ответил он. – В моем лице вы можете встретиться с опасностью совершенно другого рода. От которой у людей нет защиты...

– Ага, – сказал я. – Вы про колдовство?

– Совершенно верно. Вы в него не верите? Должен вам сказать, оно может оказаться смертельно опасным и для того, кто в него не верит...

Он этак небрежно пошевелил пальцами, и рядом с ним возник человек в нашей летной форме, со знаками различия капитана. Словно бы вполне реальный человек из плоти и крови, не какой-нибудь полупрозрачный призрак. Только не живой, а мертвый. Без сомнения, мертвый: глаза остекленевшие, синюшно-бледный, во лбу дыра, вроде бы от пули, и от нее до бровей – потек засохшей крови. Мне даже почудилось, что в комнате завоняло разлагающимся трупом – знал я этот запахок...

Не было страха, только раздражение и злость на эти факирские штучки, на то, что этот долбаный фокусник старался разлучить меня с Мэри. Я навскидку кое-что придумал и тут же претворил это в жизнь: взял со стола свой блокнот с записями разбора полетов и, как мяч в бейсболе, запустил в своего двойника. Получилось, как я и ожидал, – блокнот прошел насквозь, словно через дым или туман, со стуком ударился о стену, упал на пол. Призрак, конечно. Мираж. Наверняка такими же бесплотными были и «гости», которых он приводил к Мэри...

– Вот так, – сказал я, чувствуя определенное злорадство. – Но впечатляет. Точно вам говорю, в каком-нибудь бродячем цирке вы б неплохо заработали.

Он вновь шевельнул пальцами, уставясь на меня глазками-колючками, и призрак исчез.

– Вот так, – повторил я. – Так-то лучше. Нашли чем пугать... Меня ни немцы, ни русские не запугали, а ведь они всерьез старались меня прикончить. Вот что, дядюшка Пак. Идите-ка вы отсюда к чертовой матери и постарайтесь не попадаться мне на глаза. А то ведь я не из робких и в морду не дам разве что дряхлому старику. А вам, сдается мне, до дряхлой старости далековато... Или вы своими фокусами можете и выбитые зубы назад вставить?

Он не шелохнулся. Процедил сквозь зубы:

– Ты и не представляешь, мальчишка, с кем связался...

– Прекрасно представляю, – сказал я. – С наглым, самоуверенным типом, который считает: если он лопается от денег, может корежить другим людям судьбы, как ему заблагорассудится. Повидал я и таких. Все вы одинаковые, кто бы ни были по национальности. А вдобавок вы еще пыжитесь этими факирскими штучками...

– Мальчишка, – повторил он презрительно.

И с места не сдвинулся. Так и подмывало заехать ему по физиономии, но я не потерял головы и от этой заманчивой идеи отказался. Не из благородства души, а потому что понимал: даже выбей я ему все до единого зубы, это ничего не решит и ничему не поможет. Нужно было поступить по-другому, тем более что задумка была обсчитана еще вчера...

Телефон стоял на столе у меня под рукой, так что я снял трубку, не вставая. С Билли мы эту задумку тогда же обговорили: если объявится такой вот незваный гость, я позвоню, скажу нехитрую условную фразу, и Билли пришлет в темпе парочку своих ребят, а те голубчика сграбастают и отвезут к Билли. А уж Билли с ним сумеет потолковать по душам. И неважно, бедняк он или карманы набиты чековыми книжками, кореец он или какой-нибудь папуас. Суть дела от этого нисколько не меняется: некий нахальный тип вздумал всерьез угрожать офицеру ВВС США. А это, знаете ли, чревато для нахала неприятными последствиями, он, в конце концов, всего лишь распоясавшийся богач и даже не миллионер, и родственников из сенаторов или генералов у него точно не найдется...

Тут я едва не заорал от безмерного удивления. Как любой на моем месте. Такого я еще не видывал... Вместо гудков послышался неприятный скрежет, пронзительный визг наподобие крысиного – и трубка стала размягчаться у меня в руке, так что я побыстрее разжал пальцы, и она шлепнулась рядом с телефоном, уже изрядно деформированная, вся какая-то корявая. Телефон тоже менялся, оплывал, оседая, словно был не из бакелита, а из воска и оказался вдруг на раскаленной сковороде...

Я и тут не потерял присутствия духа. Кольт, как все последние дни в городе, был у меня в кармане. Достал пистолет, звонко загнал патрон в ствол и, держа оружие дулом вверх, уставился на чертова факира взглядом, вряд ли исполненным христианского смирения. Прощедил сквозь зубы:

– Интересно, а пули ты умеешь взглядом останавливать, факир драный? Или нет?

Ни малейших угрызений совести не чувствовал: как ко мне, так и я. Хотя, конечно, стрелять ни за что не собирался: получилось бы натуральное убийство. Просто хотелось посмотреть, как у него с нервами.

Надо отдать скоту должное: он явно отличался нешуточным самообладанием. Сидел невозмутимо, как статуя из буддистского храма. Правда, на лбу у него предательски блеснула пара-тройка бисеринок пота: должен был понимать, что от человека с пистолетом в руке, которому только что всерьез угрожал, всего можно ожидать...

– Ну, что сидишь? Проваливай! – рявкнул я. – И если снова окажешься у меня на дороге, как бог свят, получишь пулю в лоб. С парнями из Арканзаса лучше не связываться – зубы обломаешь...

Он встал, очень медленно, неторопливо пошел к двери. В дверях оглянулся, прямо-таки прошипел:

– Ну все, наглый щенок, ты покойник...

И вышел, слышно было, как хлопнула входная дверь. Я спрятал пистолет, и меня прошиб идиотский смех, с которым я ничего не мог поделать: эта сцена, наши реплики как две капли воды походили на эпизод из вестерна о Диком Западе. Разве что у дядюшки Пака не было пистолета.

Я сходил в кухню и принес виски. Налил себе на три пальца, содовой добавлять не стал, отхлебнул добрый глоток и прислушался к себе. Все, в общем, было в порядке: руки не дрожат, голова ясная, ни капли не испуган – только все те же злость и раздражение не унимаются, что вполне понятно...

Следовало, не откладывая, обдумать дальнейшее с учетом его факирских штучек. И думал я не особенно долго. «Фак офф, факир!» – вот и все, что можно сказать. Все, что я только что видел, ничего, в общем, не меняет в первоначальном плане: заключить брак с Мэри, в лепешку разбиться, но уговорить ее и отправить в Арканзас. Даже если он ее там найдет, беспокоиться не о чем. Наоборот, игра сразу пойдет в мою пользу, с разгромным счетом: все обстоит гораздо легче, чем сначала показалось, факир-гипнотизер гораздо легчевеснее мафии и далеко не так опасен, как гангстеры с «томпсонами». Вряд ли он может своим гипнозом

отвести от себя пули из «винчестера» или «кольта», а на наших фермах и то, и другое найдется, хорошо ухоженное...

Вот только одно оставалось единственным темным пятном и портило всю картину, потому что гипнозом никак не объяснялось: мой бедолажный, напрочь искореженный телефон. И он, и трубка такими и остались: изрядно оплыли, едва походили на себя прежних. Я осторожно потыкал в телефон указательным пальцем – твердый, как ему и полагается, нисколько не мягкий. Я поднял трубку к уху – нормальные гудки, хоть сейчас набирай любой номер. Вот только это не удалось бы: наборный диск превратился в овал.

Вот этому объяснения не было. Но и тут не следовало верить прадедовским байкам о колдовстве. Что-то другое. Приходилось мне краем уха слышать о людях, умевших взглядом передвигать или корежить разные предметы. Не скажу, чтобы я этому так уж верил, но почему бы не допустить, вспоминая журнал «Удивительные истории» и комиксы моего детства, что есть такое умение, хоть и крайне редко встречается? Мало ли в Азии всяких загадок? И в любом случае следует удерживать это при себе и никому не рассказывать. Не поверят. Решат, что я все выдумал и ради розыгрыша засунул телефон в духовку, так что он изрядно расплавился. Я сам бы так и подумал, расскажи мне кто и покажи такой вот изнахраченный телефон.

Есть и положительный момент – с моим пистолетом он ничего не сделал, а это позволяет думать, что на оружие его штучки не простираются. Что только к лучшему: значит, не сможет завязать узлом стволы отцовского «винчестера» или «кольтов» нашего соседа Бака Смизерса. Значит, еще побарахтаемся. Главное, о чем сейчас надо думать, – как вызвать Мэри на свидание и как ее окончательно убедить поступить так, как я придумал. Убедить, что дядюшкины фокусы не имеют ничего общего с колдовством – в которое я по-прежнему не верил...

Не удалось – примерно через полчаса после того, как я вернулся на базу, нас, девятых, собрал у себя командир эскадрильи. Боевая задача была поставлена, в общем, привычная: прикрыть наши бомбардировщики во время очередного рейда на территорию противника. Вылет – через полтора часа.

Тут уж было не до каких-то личных дел. Через полтора часа я залез в кабину своего «Сейбра».

И сразу увидел эту штуку – бросалась в глаза, как монах в борделе.

Она висела на рычажке выпуска шасси – нечто вроде ожерелья длиной примерно в фут. На черном крученом шнурке, похоже, шелковом, были старательно прикреплены пучочки каких-то высушенных, как в гербарии, цветков, желтых и красных, сухая трава вперемешку с куриными косточками и свернутыми в трубочки разноцветными бумажками. Одним словом, предельно странная хрень. Я ее потрогал – все самое настоящее, ничуть не миражное, не призрачное.

Ох, и удивился я! Вы б на моем месте тоже удивились не на шутку. Кто бы ухитрился среди бела дня пробраться на строго охраняемый военный аэродром и повесить эту хреновину в кабине истребителя? Розыгрышем тут и не пахло – всякий розыгрыш имеет какой-то смысл, но зачем присобачивать в кабине совершенно необъяснимую штуковину? О том, что своего дядюшку Мэри подозревает в колдовстве, я ни одной живой душе не рассказал. Черт знает что...

Только не было времени ломать голову над очередной странностью, и удивляться стало некогда – с командного пункта дали по радио команду на прогрев двигателей. Так что я просто-напросто брезгливо, двумя пальцами взял эту хреновину, словно дохлого мыша за хвост, вышвырнул на бетонку, задвинул фонарь и дальше действовал чисто автоматически: прогрев, команда на взлет, рулежка, взлет... Всё, как десятки раз до того.

...Где-то на середине маршрута на нас посыпались сверху, из белых пухлых облаков, ваши истребители – три тройки. Не было ни малейшего замешательства – насквозь привычное дело, не в первый раз и даже не в десятый. И тактика для таких случаев прекрасно известна:

часть самолетов связывает боем истребители прикрытия, стараясь втянуть в бой всех, а другая группа бросается на бомбардировщики. Никаких загадок или неясностей, военная авиация любой страны именно эту тактику применяет.

Роли были расписаны заранее, каждый знал, что ему делать, – и четверка наших осталась прикрывать бомберы, а мы пятеро пошли навстречу МиГам. Я сразу определил, кто из ваших выбрал целью именно меня, и не в первый раз подумал: ну, мы еще посмотрим, кто у кого будет мишенью... В таких делах всегда бабушка надвое сказала.

Мы с русским разошлись на горизонталях, развернулись и опять стали сближаться. Он не столько целился на меня, сколько пытался прорваться к бомбардировщикам, а я соответственно должен был ему помешать. Довернул с небольшим левым креном, прикинул, что в следующие секунды сделаю...

Вот тут и началось...

Мой истребитель вдруг потерял управление. Совершенно. Двигатель работал исправно, но что бы я ни делал – всё впустую. «Сейбр» стало швырять и мотать, как обрывок газеты в бурю, потом машина самостоятельно, словно бы по своему хотению, закрутила «бочки». Что-то похожее – правда, без «бочек» – было со мной однажды над Германией, но тогда наши два звена попали в жуткую грозу, которую метеослужба прохлопала ушами, – и тогда я кое-как мог управлять самолетом, что-то делать, а сейчас абсолютно потерял управление.

Противника я уже не видел. Стрелки приборов плясали как полоумные, небо и земля крутили в бешеной карусели, меня мотало и швыряло, как спичечный коробок в бурном горном ручье...

И тут МиГ меня достал. Фонарь разлетелся, пахнуло гарью, все лицо омахнуло болью, правый глаз прожгло болью так, словно в него вогнали раскаленный гвоздь, а левый стала заливать кровь, и я форменным образом ослеп. Почувствовал, как самолет провалился вниз, словно брошенная в воду гиря, нащупал рычаг катапульты и рванул его вверх. В лицо по-прежнему бил тугой ветер, словно жесткой метлой хлестал, – но это вдруг кончилось, и я понял, что катапульты, в отличие от прочего, исправно сработала. Над головой хлопнул парашют, меня трянуло, и я поплыл к земле, которую не видел. Ничего не видел – правый глаз нестерпимо болел, левый залило кровью. На ощупь сорвал перчатки, отер ладонью левый глаз и смог им худо-бедно видеть, хотя кровь еще ползла по лицу. Схватился за лямки – земля была уже близко. Получалось плохо, но все же я сумел приземлиться на сомкнутые, согнутые в коленях ноги и завалился на бок, в общем, не особенно и ушибившись. Валялся, как манекен, сил отстегнуть лямки уже не было. Хорошо еще, стояло безветрие и меня не поволокло по земле, хотя при сильном ветре вполне могло – парашют в таких случаях работает как парус.

Валялся я так, словно мешок с тряпьем, и вдруг меня форменным образом прошило. Будто на совесть трянуло током или обрушился солнечный удар. Одной-единственной мыслью прошило, и эта мысль была по-настоящему жуткой. Потому что напрочь обрушилась часть моих представлений о мире, с которыми я прожил всю сознательную жизнь. Я о колдовстве, в которое никогда не верил, а теперь поневоле приходилось признать, что оно на свете все же есть и в конце концов свалилось на меня самого.

Вот именно, колдовство. Стоило подставить его на место икса в задаче – и она моментально решалась. Все то, что раньше казалось случайностью, совпадениями, факирскими штучками, получало простое объяснение, ничуть не противоречившее логике, наоборот. Теперь не было никаких сомнений: дядюшка Пак и в самом деле колдун. Только его колдовскими штучками можно было объяснить то, что произошло с моим самолетом. И все остальное, о чем рассказывала Мэри, в том числе и то, что дядюшка точно назвал место, куда они поехали после выпускного бала. Холмы неподалеку от Фриско, безлюдные места, бездорожье – но такое, по которому могла без труда проехать машина. Никакой другой машины за все время, что они там провели, и близко не было, а уж случайные пешеходы там никогда не шлялись.

Оживающие куклы, «гостыи», смерть Джейн, череда неприятностей, сорвавших три их свидания, беда с Патриком. Ничего удивительного, что дядюшка Пак узнал точный адрес квартиры, нашего любовного гнездышка, не посылая за нами никаких соглядатаев. И мой полурасплавившийся телефон. Стоило допустить, что колдовство существует, – и все происшедшее с другими и со мной укладывалось в эту версию идеально, как патроны в обойму...

Раньше не верил, а сейчас приходилось поверить, потому что никакого мало-мальски подходящего объяснения не было. Только колдун мог пробраться, никем не замеченный, среди бела дня на охранявшийся множеством часовых военный аэродром, только его колдовская штука могла вытворить такое с моим самолетом, который я знал как свои пять пальцев...

Мысль эта меня опустошила, только она и осталась в голове. Я лежал, не в силах пошевелиться, бессмысленно таращился в небо, в котором уже не было ни единого самолета – как часто случается, воздушный бой ушел куда-то далеко в сторону. Лежал, и сознание понемногу заполняла, как бассейн водой, самая черная депрессия, апатия, полнейшее равнодушие ко всему на свете. Жить не хотелось...

Кровь подсохла, перестала течь, так что левым глазом я видел небо и кучерявые белые облачка, неспешно проплывавшие там и сям. Не знаю, сколько времени прошло, на часы я не смотрел – зачем, какой в этом смысл? Вяло шевельнулась мысль, что я, несомненно, приземлился на территории противника, но и она не имела значения. Все на свете не имело никакого значения, коли уж мир, в котором я прожил двадцать восемь лет, который знал, как собственную квартиру, и считал не таившим никаких загадок, вдруг повернулся ко мне совершенно неожиданной, жуткой стороной...

Потом появились корейские солдаты. Что вы говорите? Китайские? А собственно, какая в моем положении разница? Взяли в плен и взяли. Ничего так парни, они со мной обращались очень даже вежливо. Подняли, перевязали, повели к раздолбанному грузовичку, на котором приехали, – русскому, конечно, ни ваши корейцы, ни наши не делают своих автомобилей. Так я к вам и попал – и долго еще был самой настоящей куклой. Я вам очень благодарен за то, что меня из этого поганого состояния вывели. Хотя легче от этого не стало, наоборот. Свободного времени у меня девать некуда, дни напролет валяешься на койке и думаешь. Про то, что авиация теперь для меня закрыта, что торчу в плену и неизвестно, когда отсюда выберусь. Но главным образом про то, что я торчу у вас в камере, а Мэри осталась там, в полной власти клятого колдуна. Черт, да я бы, наверное, душу дьяволу продал, чтобы побыстрее вырваться отсюда! Никогда не верил, что дьявол существует на самом деле, но коли уж жизнь заставила поверить в колдовство, почему бы заодно не поверить в дьявола? У вас, случайно, нет знакомого дьявола, который скупал бы души? Честное слово, у меня нашелся бы для него добрый товар... Нет? Жалко. И вы сами не дьявол? Жалко. Вот видите, я опять шутить могу. Но и в самом деле продал бы душу за шанс побыстрее вернуться к Мэри, и это уже никакая не шутка. Невыносимо думать, что она там совершенно одна, что ее заставят выйти замуж за того типа...

На этом, собственно, наша беседа и закончилась, больше ему было нечего рассказывать. Я звонком вызвал конвойного, и он увел капитана к месту постоянного проживания. Наш разговор я не записывал ни на бумаге, ни на проволоке⁵, хотя магнитофон сразу, едва я в том кабинете обосновался, был вмонтирован в тумбу стола, а микрофон замаскирован под одну из деталей письменного прибора. Не подумайте, что я этим нарушал какие-то служебные регламенты. Вовсе нет. Видите ли, чтобы разговорить клиента, заставить раскрыть душу, пойти на откровенность, расположить к себе, часто приходилось долго беседовать на разные отвлеченные темы, не имевшие никакого отношения к военным вопросам. В таких случаях мы отписывались стандартно: дата, время начала и конца разговора и незатейливая формулировка: «Раз-

⁵ В тогдашних магнитофонах часто вместо ленты использовалась тонкая стальная проволока.

говор на посторонние темы». Или делали такие вставки в протокол допроса. Никто никогда не интересовался, что за темы – кроме вербовщиков.

Вот, кстати, о вербовщиках. В мои задачи вербовочная работа не входила, этим согласно нашей специализации занимались другие, но я всякий раз должен был составлять для них свои соображения – насколько, на мой взгляд, очередной собеседник годится для вербовки и годится ли вообще.

Так вот, по моему мнению, капитан был вполне пригоден для вербовки. У него был мощный побудительный стимул: его Мэри Пак, к которой его неудержимо тянуло вернуться. Насчет продажи души черту – это, конечно, красивая фигура речи и не более того, но все же неплохая зацепка для вербовщика. Конечно, из армии его обязательно уволили бы, но так даже лучше, вполне годился в агентуру, как это звалось, длительного оседания. Безукоризненный послужной список, участвовал в двух войнах, что важно, прочных политических убеждений не имеет. Не очень красиво? Согласен, но что поделать, разведслужбы всего мира так работают, без особого благородства...

С этой точки зрения я и написал свои «соображения». После этого не было нужды и далее заниматься капитаном, оставалось отправить все бумаги в соответствующий отдел, что я и сделал. Всё по Грибоедову – «подписано, так с плеч долой». Ну разве что мне потом сообщали, к каким результатам вербовка привела – это тоже был показатель моей работы, начальство всегда сообщало, прав я оказался со своими «соображениями» или нет.

Наступило некоторое безделье – новых клиентов пока что не было. Все вроде бы было в порядке, но в глубине души я испытывал странные чувства, казалось, что-то остается недосказанным. Я быстро понял, что именно. Кое-что, уже не имевшее отношения к моим служебным обязанностям. Сидело в подсознании смутной занозой, как никогда прежде. Очень уж необычная была история...

В конце концов, чтобы избавиться от этой докучливой занозы, я, хотя и ругал себя чуточку, все же улучил время и поехал в один из наших авиапунктов – поговорить с тем летчиком, что капитана сбил. Это уже была чистой воды самодеятельность с моей стороны, но кто бы о ней узнал, если фиксировать нашу беседу на бумаге я не собирался? Мало ли что приходится делать, как говорится, для очистки совести?

Пришел светловолосый крепыш моих лет, похожий чем-то на знаменитого тогда киноартиста Соловьева. Классический пилот из родившегося тогда же анекдота: «Корейский летчик Ли Си Цин, он же Лисицин» (фамилия, конечно, у него была другая). Как все мы, ходил в корейской форме без погон и фуражке без кокарды. Ни одного ордена на груди, конечно, но я уже знал: в Отечественную он по числу сбитых самолетов до Героя Советского Союза не дотянул, но наград получил немало, а потом еще Красное Знамя за японскую кампанию.

На контакт он пошел легко, даже оживился, когда узнал, о чем я хочу поговорить. Сказал словно бы стеснительно:

– Знаете, товарищ подполковник, впервые в жизни такое случается – я об этом сбитом. Как бы даже и похвастать нечем. Никогда раньше такого не было... Что-то с ним было определенно не так...

– Что именно? – спросил я, чувствуя что-то вроде охотничьего азарта.

– Да понимаете... – сказал он охотно. – Задание было обычное: сорвать налет бомбардировщиков на китайские позиции. И началось все как обычно: мы вышли на них сверху, часть «Сейбров» кинулась нам наперерез, а часть осталась прикрывать – ну, ими и бомберами должна была заняться другая группа. Тут-то и случилось что-то непонятное. Разошлись мы на горизонталях, опять стали сближаться (он машинально, как это у летчиков водится, показал обеими руками виражи). Тут и началось... «Сейбра» стало мотать-швырять самым невероятным образом, как будто там сидел вдрызг пьяный или курсант в первом самостоятельном полете. Скорее пьяный вдребезину, но кто б его такого в полет выпустил? У американцев с

этим тоже дисциплина дай бог. Закрутил «бочки» без всякой нужды, показалось даже, что вот-вот сорвется в штопор. Ну, а я... Что я? Это ж бой, тут некогда удивляться и раздумывать. Вдарил по нему из всего бортового. Чутьочку напортачил – его так швыряло, что я его не достал, как хотел. Но фонарь я ему сбил. Он провалился вниз, как утюг, и я видел, как раскрылся парашют. И пошел туда, где ребята всю хлестались с американцами, или кто они там – у них же всякой твари по паре... Налет мы им сорвали, сбили пять бомберов и два истребителя, а остальные пошвыряли бомбы куда попало и припустили удирать. Ребята из второй группы еще один бомбардировщик сбили, а остальные ушли за черту, куда нам залетать настрого запрещалось. «Сейбр» упал на нашей территории, так что победу мне засчитали. Вот только победа получилась какая-то... нескладная, что ли. Его пацан мог из рогатки сбить – так его мотало, будто вдрызг пьяного по улице...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.